

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ ECONOMICS AND MANAGEMENT

Научная статья

УДК 338.22.01

DOI: 10.17213/2075-2067-2024-1-6-19

ТЕОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: ЦЕЛИ, ИНСТРУМЕНТЫ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ТРАКТОВКИ

Олег Сергеевич Сухарев

Институт экономики РАН, Москва, Россия

*o_sukharev@list.ru, ORCID: 0000-0002-3436-7703, AuthorID РИНЦ: 446204,
AuthorID Scopus: 56736819100, WoS Research ID: C-3767-2018*

Аннотация. Статья посвящена вопросу возможной коррекции базового принципа в классической теории экономической политики «цели-инструменты», необходимость которой подтверждается проводимым эмпирическим анализом результатов антиинфляционной и политики роста в России.

Цель исследования — раздвинуть рамки классической теории экономической политики Тинбергена-Тейла за счёт рассмотрения структуры целей и инструментов, согласования этих структур, а также дать эмпирические трактовки проводимой макроэкономической политики в России в период 2003–2022 гг. по инфляции и росту экономики, чтобы подтвердить необходимость расширения указанной теории экономической политики.

Методология исследования базируется на продвинутой теории экономической политики за счёт авторской доктрины «распределённого управления», представляющей каждый инструмент макроэкономической политики имеющим изменяющуюся по объектам экономики силу влияния, так что чувствительность поставленных целей претерпевает изменение к набору инструментов, а сама совокупность применяемых мер приобретает собственное влияние на магистральные цели экономического развития.

Общий результат исследования сводится к тому, что эмпирическим анализом подтверждается «провал» классической теории экономической политики в достижении цели роста при снижении инфляции для российской экономики на рассматриваемом интервале времени. Это закономерно порождает необходимость выстраивания новой теории экономической политики, предполагающей учёт действующих факторов и применяемых мер макроэкономической политики совместно и с изменяемой силой влияния, распределённой по структуре экономики. Также показано, что более высокий уровень монетизации обеспечивал сдерживание инфляции и рост ВВП России, а больший темп роста денежной массы работал на инфляцию, что порождает необходимость поиска наиболее приемлемого с точки зрения согласования двух целей (по росту и инфляции) прироста денежной массы при сохранении общего вектора на монетизацию российского хозяйства. Такой итог одновременно составляет и **перспективу для дальнейших исследований**, поскольку вопрос о динамике наращивания денежной массы в экономике давно и далеко вышел за пределы известного в теории «монетарного правила».

Ключевые слова: теория экономической политики, принцип «цели-инструменты», «распределённое управление», «накопительный эффект» макроэкономическая монетарная политика, инфляция

Для цитирования: Сухарев О. С. Теория экономической политики: цели, инструменты и эмпирические трактовки // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, № 1. С. 6–19. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-6-19>.

Original article

THEORY OF ECONOMIC POLICY: TARGETS, TOOLS AND EMPIRICAL INTERPRETATIONS

Oleg S. Sukharev

*Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
o_sukharev@list.ru, ORCID: 0000-0002-3436-7703, AuthorID RSCI: 446204,
AuthorID Scopus: 56736819100, WoS Research ID: C-3767-2018*

Abstract. *The paper is devoted to the issue of a possible correction of the basic principle in the classical theory of economic policy «goals-tools», the need for which is confirmed by the empirical analysis of the results of anti-inflationary and growth policies in Russia.*

The purpose of the study *is to expand the framework of the classical theory of economic policy of Tinbergen-Theil, by considering the structure of goals and instruments, the coordination of these structures, and also to provide empirical interpretations of the ongoing macroeconomic policy in Russia in the period 2003–2022. on inflation and economic growth, in order to confirm the need to expand the specified theory of economic policy.*

The research methodology *is based on the advanced theory of economic policy through the author's doctrine of «distributed management», which represents each instrument of macroeconomic policy as having a varying power of influence across economic objects, so that the sensitivity of the set goals undergoes a change to the set of instruments, and the totality of the measures used acquires its own influence for the main goals of economic development.*

The overall result of the study *is that empirical analysis confirms the «failure» of the classical theory of economic policy in achieving the goal of growth while reducing inflation for the Russian economy over the time interval under consideration. This naturally gives rise to the need to build a new theory of economic policy, which involves taking into account current factors and applied macroeconomic policy measures together and with a variable force of influence distributed throughout the structure of the economy. It is also shown that a higher level of monetization ensured the containment of inflation and the growth of Russia's GDP, and a higher growth rate of the money supply worked for inflation, which creates the need to find the most acceptable growth in the money supply from the point of view of reconciling two goals (for growth and inflation), while maintaining general vector for the monetization of the Russian economy. This result at the same time constitutes a prospect for further research, since the question of the dynamics of the increase in the money supply in the economy has long gone far beyond the boundaries of the «monetary rule» known in theory.*

Keywords: *theory of economic policy, principle of «goals-instruments», «distributed control», «accumulative effect» macroeconomic monetary policy, inflation*

For citation: Sukharev O.S. Theory of economic policy: targets, tools and empirical interpretations // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2024; 17(1): 6–19. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-6-19>.

Введение. Классическая современная теория экономической политики построена на принципе Тинбергена [15], который часто воспринимается как незыблемая её основа, хотя существует не такое большое число исследований, базирующихся сугубо на нём [6; 9–11], в сравнении, скажем, с колоссально большим числом работ по экономическому росту и его моделям [2–3]. Интересно отметить, что, если модели роста обычно связывают факторы роста и пытаются установить вклад их в общую динамику или влияние на характеристики роста, то модели экономической политики направлены на описание применения различных инструментов, влияющих на установленные макроэкономические цели, в рамках которых увеличение ВВП рассматривается как одна из имеющихся целей. Эти модели не включают факторы, влияющие на темп роста, а модели роста всё-таки далеко не всегда принимают во внимание набор действующих инструментов политики. В общем и целом в экономической науке сложилось разделение: упрощают каждую из групп моделей, понижая потенциал их адекватности, так как в реальности присутствуют и факторы, влияющие на динамику ВВП, и применяются инструменты макроэкономической политики для достижения установленных целей, которые влияют и на изменение самих факторов. Действует система весьма сложных прямых и обратных связей, которая очень часто не присутствует в известных моделях, применяемых для проектирования экономической политики, обоснования тех или иных инструментов и правительственных решений.

Следуя традиции Тинбергена, некоторые исследователи показывают, что одним инструментом трудно достигать, скажем, двух целей по инфляции и росту экономики либо ценовой динамики и финансовой стабильности [12], в связи с чем полезно разведение инструментов и применение их в дифференцированном режиме, то есть как минимум двух, если преследуются две цели. Однако, несмотря на укрепление правила Тинберге-

на для конкретно рассматриваемой страны и поставленной проблемы, это совсем не означает возможности достижения двух целей одним неким инструментом, либо, как минимум, улучшения положения по каким-то целям с применением некоего набора инструментов, который может оказаться и больше, и меньше числа целей на практике. Теория экономической политики не проясняет сегодня указанный вопрос. С течением времени применяемые инструменты могут изменять свою силу влияния, что не может не сказаться на продвижении к цели. Более того, инструменты распределяются по целям и по влиянию на экономическую структуру по-разному. Связь самих инструментов и целей друг с другом также перманентно изменяется, и это тоже часто не принимается во внимание при моделировании с вытекающими ограничениями для макроэкономической политики. Речь идёт об авторской доктрине «распределённого управления» [4] и накопительном эффекте по целям и инструментам проводимой политики [5], например, монетарной [1], когда применяемый один и тот же подход позволяет достичь одной цели — снизить инфляцию, но не добиться центральной цели по обеспечению устойчивого экономического роста.

Оценки эффективности экономической политики, исходящие из измерения благосостояния или достижимости целей устойчивого развития, сводя метод к рейтингам [14], не позволяют учесть распределённого эффекта, найти сочетания структуры целей, ресурсов, инструментов и доподлинно измерить чувствительность цели к применяемым инструментам, с помощью которых может быть и достигнута их не представляется возможным. Отсутствие даже желания искать ответ на этот вопрос часто становится залогом провала мер макроэкономической политики роста и борьбы с инфляцией. Включение правила Тинбергена в известные и даже игровые модели [6–7; 11] также не позволяет продвинуться в решении рассматриваемой проблемы, которая требует пересмотра или как

минимум расширения принципа Тинбергена. Рассмотрение влияния институтов (правил), структурных изменений и промежуточных целей политики [8–9] или множества целей [13], либо ожиданий [10], конечно, повышает правдоподобие, но не снимает поставленных вопросов. Аспект нейтральности мер политики или не нейтральности [7] становится предметом постановки задачи о чувствительности цели к инструментам политики, распределения инструментов по цели и структуре экономики и накопительного эффекта политики, когда мера правительства ещё не полностью нейтральна, но все-таки влияет. Цель уже становится менее чувствительной к ней.

Обобщая сказанное, делаем вывод: целью настоящего исследования является расширение рамок классической теории экономической политики за счёт изменения трактовки принципа Тинбергена и включения в неё структуры целей, инструментов и факторов достижения целей на основе доктрины «распределённого управления» и представлений о накопительном эффекте политики [5]. Для достижения поставленной цели рассмотрим две задачи. Во-первых, на теоретическом уровне анализа структуры целей экономического развития и инструментов политики осуществим попытку согласовать структуру целей и инструментов политики — продвинуться в решении задачи «структурного выбора». Во-вторых, на эмпирическом уровне анализа покажем, как достигается цель по инфляции и росту в российской экономике в период 2003–2022 гг., что подтверждает необходимость формирования новой теории экономической политики, включающей и действующие факторы, и инструменты.

1. «Распределённое управление»: структура целей и инструментов политики. Доктрина «распределённого управления» [4] была предложена как развитие принципа Тинбергена «цели-инструменты», составляющего ядро современной теории экономической политики. В отличие от него при распределённом управлении инструменты воздействия подбираются избирательно в соответствии с учётом изменяющейся силы их влияния, поскольку реализуемые правительственные влияния изменяют содержание факторов развития и сами применяемые инструменты.

Такой дифференцированный подход порождает задачу согласования структуры целей, которые необходимо достичь, и структуры применяемых инструментов политики. В классическом варианте теории экономической политики указанный аспект не принимался во внимание, как и то обстоятельство, что вполне возможно и меньшим набором инструментов влиять на большее число целей и даже достигать их, либо некоторые из них. Математические уравнения в рамках принципа Тинбергена не позволяли так сформулировать задачу, поскольку, если число неизвестных, скажем, больше числа уравнений связи целей и мер политики, то возникают непреодолимые трудности решения.

На рисунке 1 слева показано изменение совокупного дохода/продукта экономики от величины риска ведения экономической деятельности, в предположении, что кривая 1 отвечает модели получения наибольшего дохода, а кривая 2 — минимального риска. Наилучшие исходы отвечают огибающей ВАС, так как для одного и того же риска имеем наибольший доход/продукт в системе. Однако данный доход по каждой кривой 1–2 достигается за счёт различного распределения ресурсов по объектам экономики, то есть структуры распределения s_1 и s_2 — различные для каждого сочетания дохода и риска и отличаются даже для характерной точки А, в которой две разные модели дают одно и то же сочетание продукта (дохода) и риска его производства. В этой точке, как и для других точек кривых 1–2, существует проблема «структурного выбора»: какое должно быть распределение ресурсов. Эта проблема особенно остра для указанной характерной точки, потому что выбор не предопределён и требует добавочных критериев, например, связанных с оценкой состояния или учёта неких особенностей тех объектов, которым выделяется тот или иной ресурс. Если различная структура распределения ресурсов может давать различное сочетание дохода и риска, а в отдельных случаях и одинаковое, то несложно предположить, что и структура инструментов воздействия также обеспечит различное возрастание создаваемого продукта. Темп роста экономики будет зависеть также от применяемого и изменяемого набора инструментов — их структуры. Эта ситуация показана условно на ри-

сунке 1, справа. Структура распределяемого ресурса может зависеть от структуры применяемых инструментов для достижения установленной структуры целей. Как выбрать набор инструментов, если не ясно, что будет к моменту времени T^* , когда $Y1 > Y3 > Y2$, в то время как для точки $T1$ было соотношение $Y1 < Y2 < Y3$. К тому же любому правительству нужно понимать, вызвала ли такое изменение (и в какой степени) его политика, либо внешние условия, либо стечение неких обстоятельств или комбинации факторов и воздействий. На сегодня классическая теория макроэкономической политики не может дать точного ответа на такую постановку задачи, как и обеспечить структурную её постановку, которая осуществлена выше.

Структура инструментов для каждой траектории роста продукта (рисунок 1, справа) своя, то есть $dY1(I1)/dt > dY2(I2)/dt$, правее точке E (рисунок 1, справа). Имеется интервал, где $dY1(I1) > dY3(I3)/dt$, где $I1, I2, I3$ — отличающиеся структуры инструментов политики. Их можно на каком-то отрезке времени условно считать неизменными, хотя сила каждого инструмента этой структуры может меняться, но на длинном отрезке каждая структура претерпевает изменения — она не статичная, в том числе по причине обнаружения накопительного эффекта, изменяющего силы влияния благодаря реакции объектов, на которые инструменты воздействуют. Для конечного отрезка времени реализации экономической политики можно развести струк-

туры инструментов, как показано на рисунке 1 справа. Но каждая из таких структур может влиять на структуру ресурсов, то есть условно запишем это так: $s1 = a_0 + a_1 I1$; $s2 = b_0 + b_1 I2$, что означает изменение ресурсной структуры от структуры инструментов по траектории роста продукта $Y1$ и $Y2$ соответственно.

Ещё одним важным недостатком классической теории экономической политики являлось то, что построенные модели связывали цели и инструменты, но часто не видели факторов и сложившихся условий, которые, кстати, применяемые инструменты со слабым обоснованием действенности не могли преодолеть. В итоге при вводе инструмента часто не представляли, окажет он должное действие на экономику или нет. Возникал своеобразный режим «попробовать политику», а к чему она приведёт, становилось ясно позже. Это полностью укладывалось в ставший знаменитым «эффект кобры», когда желание правительства понизить популяцию кобр обернулось принятием мер, которые способствовали, наоборот, увеличению этой популяции, то есть сработали в обратном направлении. На этапе принятия этих мер все надеялись, что это решит возникшую проблему.

Вариант расширенного с учётом сказанного принципа Тинбергена может быть предложен в следующем виде. Обозначим изменение целевого параметра проводимой экономической политики — dT/dt . Оно наблюдается под влиянием не только инструментов, но и действующих релевантных

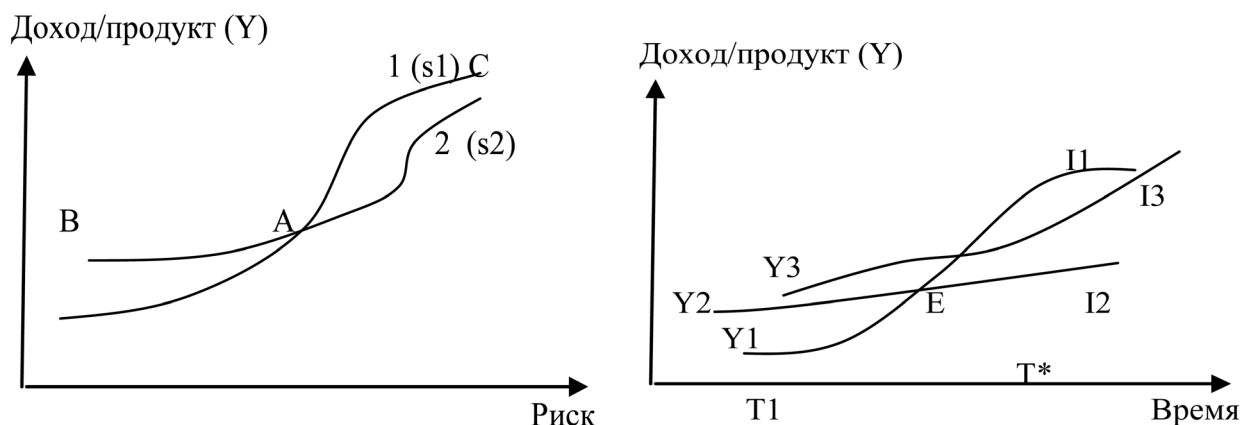

Рис. 1. Структура распределения ресурсов (слева) и инструментов (справа) политики¹
Fig. 1. Structure of distribution of resources (left) and instruments (right) of policy

¹ Источник: построено автором.

факторов. Пусть набор этих факторов — M , а изменение обозначим как dF/dt . Число изменяемых инструментов (dI/dt) равно — H . Их сила влияния изменяется со временем, как и чувствительность целей к применяемым инструментам. Если чувствительность целей или объектов экономической структуры к воздействиям снижается в силу разных причин, то можно считать это накопительным эффектом проводимой политики, причём отрицательным. Если чувствительность будет повышаться, то такой накопительный эффект от применения одного и того же инструмента можно обозначить как положительный [5].

Действующие факторы и инструменты влияют друг на друга, причём это влияние может оказаться весьма значительным и распространяться внутри каждой группы отдельно. Данное обстоятельство нельзя не учитывать, если желать получить правдоподобную картину результативности экономической политики. Формализация расширенного принципа «цели-инструменты» также предполагает формулировку уравнений связи целей, факторов и инструментов. В этом случае также понадобится отбраковка вариантов, когда возникает коллинеарность по факторам и инструментам, связи внутри них и между ними. Тем самым, несмотря на то что подход в целом расширительный и более адекватный, тем не менее математика фиксирует его ограниченность, чтобы получить базовые уравнения модели экономической политики. В формальном виде можно записать сказанное по формуле (1):

$$\sum_{i=1}^N \frac{dT_i}{dt} = \sum_{i=1}^M a_i \frac{dF_i}{dt} + \sum_{i=1}^H b_i \frac{dI_i}{dt}. \quad (1)$$

Математическая запись (1) означает, что изменение цели политики представлено некой суммой взвешенного изменения факторов развития и инструментов самой политики. Система имеет решение, если $N=M+H$. Иначе напрашиваются подходы либо по упрощению системы уравнений, либо по применению неких численных методов. Величина взвешивающих коэффициентов будет демонстрировать, что сильнее детерминирует динамику цели: сложившиеся и изменяемые факторы либо влияющие инструменты политики. Возможны варианты построения отдельных моделей по влияющим факторам и инструментам,

но в таком случае потребуются уравнения, связывающие инструменты и факторы развития — для учёта обратных связей, которые в классической теории экономической политики ускользают из внимания.

Разумеется, этот подход не преодолевает абсолютно всех проблем реализации экономической политики, лишь указывая направления для дальнейших теоретических исследований и математических преобразований. Чтобы быть результативным, на взгляд автора, он должен сочетаться с глубокими эмпирическими исследованиями и оценками происходящего, определением силы инструментов политики и оценкой накопительного эффекта по каждому применяемому инструменту относительно поставленной цели или рассматриваемого объекта экономики, состояние которого требуется изменить в нужном направлении.

Учитывая сформулированные выше теоретические позиции по важности силы применяемых инструментов и чувствительности целей к ним, накопительный эффект действия и необходимость реализации распределённого управления, то есть подбора и обоснования инструментов отдельно и в их совокупности, в заключение остановимся на эмпирическом анализе проводимой антиинфляционной и политики роста в России.

2. Макроэкономическая политика в России: борьба с инфляцией и рост. Макроэкономическая политика в России за несколько десятилетий является хорошим подтверждением того, что не только идея «распределённого управления» [4], но и даже стандартный принцип «цели-инструменты» не являются востребованными и никак не отражаются в реализуемых мероприятиях. Налицо конфликт цели по инфляции и по темпу экономического роста. Но его не пытаются преодолевать, не принимая во внимание не только модельный (который может быть неточным), но и даже прямой эмпирический сопоставительный анализ, точность которого поколебать непросто (хотя его качество также зависит от измерительных процедур и статистического учёта). При ориентации на фишеровскую модель экономического роста, требующую для организации роста подавления инфляции, из внимания исчеза-

ет обстоятельство, что со снижением инфляции снижается и темп экономического роста, что подтверждает эмпирический анализ [1; 5]. Если формулируется цель по агрегату, не учитывается структура цен и связность цен, когда, понижая динамику по одним видам цен и повышая иной вид цен (процент), увеличивают издержки и трансформируют ценовую структуру, так что агрегат достигается, но условия для дальнейшей инфляции с ростом экономики сохраняются.

Как видно из рисунка 2, связь потребительских и промышленных цен не является очень тесной, хотя и прослеживается, так как из эмпирических точек понятно, что возрастание потребительских цен сопровождается некоторым увеличением и промышленных цен. Обратное то же верно, хотя вопрос относительно того, что является исходной причиной, сохраняет своё значение, то есть какие цены исполняют роль генератора повышения прочих цен.

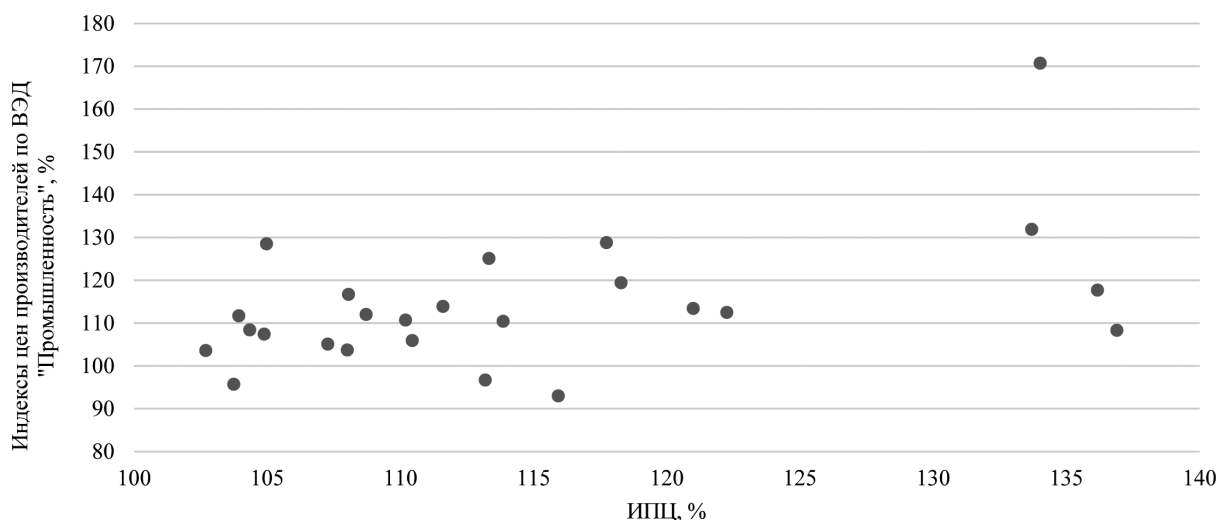

Рис. 2. Изменение индекса потребительских цен и индекса цен производителей, 1998–2022 гг.²

Fig. 2. Changes in the consumer price index and producer price index, 1998–2022

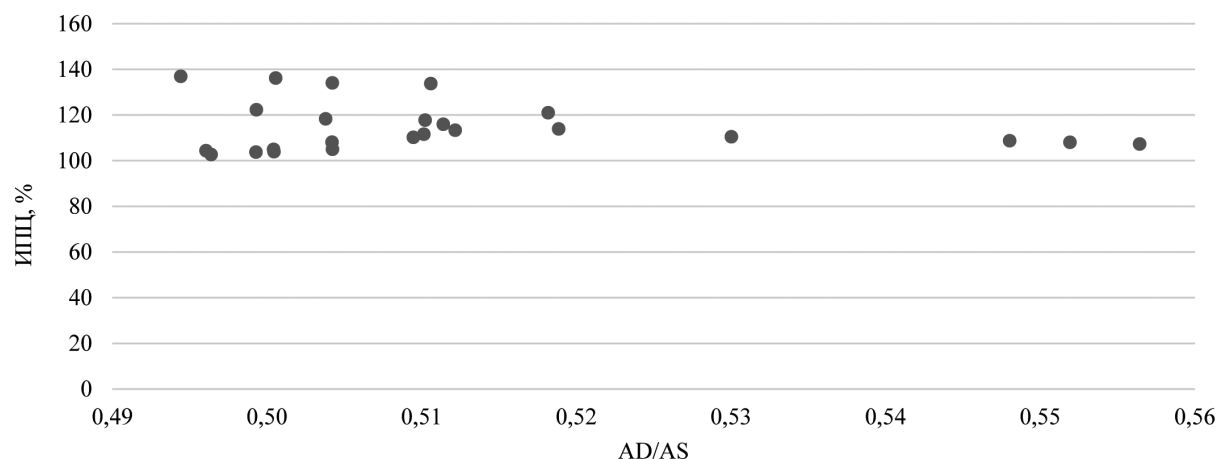

Рис. 3. Индекс потребительских цен от структуры совокупный спрос-предложение (AD/AS), 1998–2021 гг.³

Fig. 3. Consumer price index from the aggregate demand-supply structure (AD/AS), 1998–2021

² Источник: построено автором на основе данных Росстат (URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/price>).

³ Источник: построено автором по данным Росстат (URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>, <https://rosstat.gov.ru/statistics/price>).

Рисунок 3 показывает, что рост совокупного спроса, конечно, способствует росту индекса потребительских цен. Однако имеются точки, когда высокий спрос (относительно совокупного предложения⁴) не даёт высокой ценовой динамики. Соотношение совокупного спроса и предложения показывает отсутствие превосходства совокупного спроса над предложением (хотя этот результат может

быть итогом неполной оценки указанного параметра). Но и превосходство предложения отнюдь не вызвало дефляцию, сохраняя инфляционное давление при понижающейся инфляции на рассматриваемом интервале времени. Это может говорить о том, что инфляцию вызывают не только факторы роста и поведение естественных монополий, но и сложившиеся институты, включая пра-

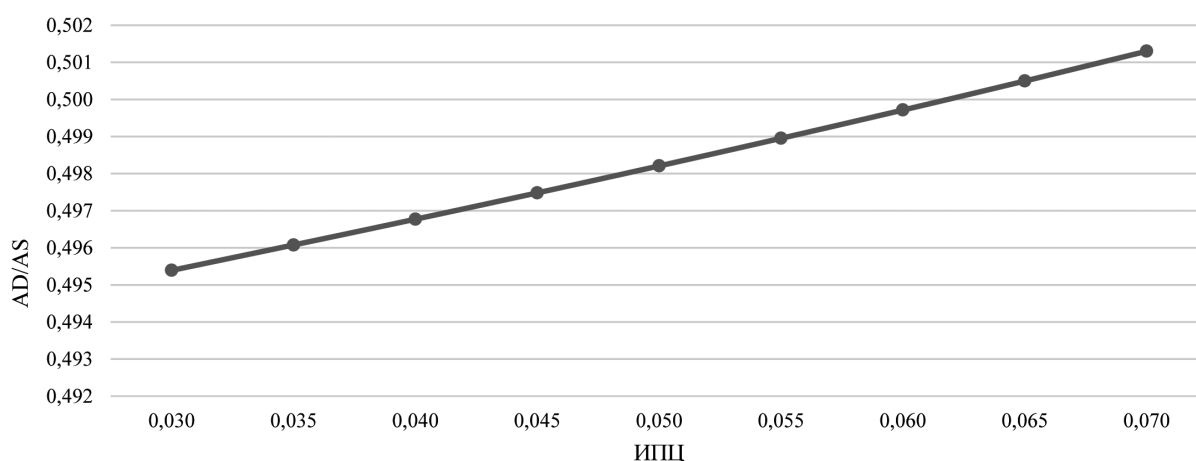

Рис. 4. Соотношение совокупного спроса и предложения от заданного ИПЦ, 2003–2021 гг.⁵
Fig. 4. The ratio of aggregate demand and supply from a given CPI, 2003–2021

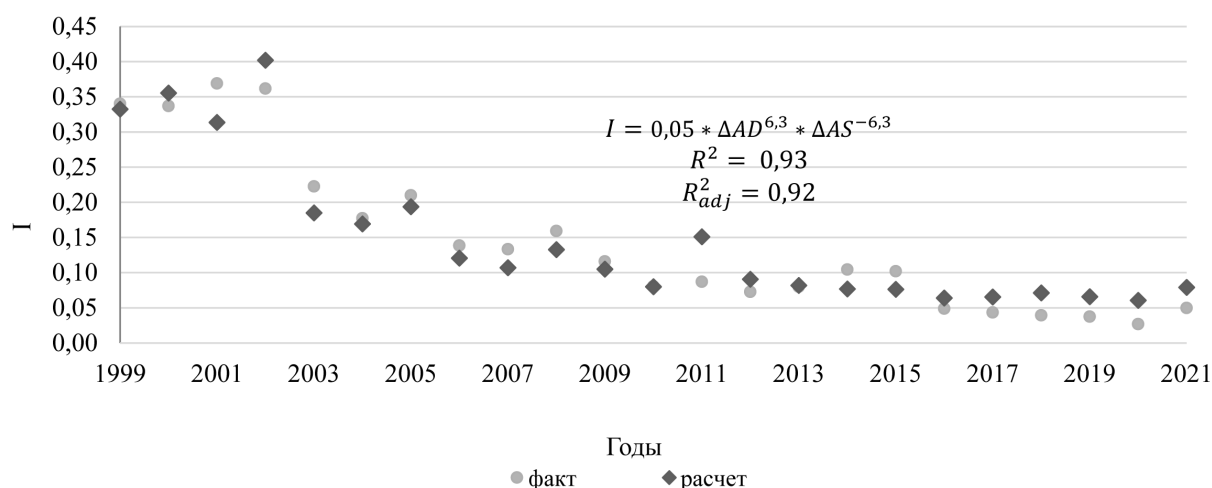

Рис. 5. Индекс потребительских цен от изменения совокупного спроса и предложения в России, 1999–2021 гг.⁶
Fig. 5. Consumer price index from changes in aggregate demand and supply in Russia, 1999–2021

⁴ Совокупный спрос представляется здесь как оценка ВВП по компонентам расходов (AD = ВВП по расходам). Совокупное предложение как выпуск товаров и услуг вместе с поступившим в страну импортом (AS = Выпуск товаров и услуг + импорт).

⁵ Источник: рассчитано автором по данным Росстат (URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>, <https://rosstat.gov.ru/statistics/price>).

⁶ Источник: рассчитано автором по данным Росстат (URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>, <https://rosstat.gov.ru/statistics/price>), ЕМИСС (URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/37697?ysclid=llbx2rakes273442283>).

вила ценообразования, монополистический характер построения экономики и даже методы проводимой политики, стимулирующей рост цен. Это может происходить за счёт ограничения объёмов выпуска и сжатия самого спроса, которое само по себе может приводить к росту издержек⁷.

Вместе с тем следует отметить, что рост совокупного спроса относительно предложения сопровождается ростом индекса потребительских цен (ИПЦ), что подтверждает рисунок 4, где показан таргет по инфляции, вводимый по ИПЦ. Этот рисунок отражает часть рассматриваемого периода, включая и участок, где таргетирование само по себе не применялось как метод борьбы с инфляцией до 2014 года.

На рисунке 5 представим простую модель⁸, связывающую индекс потребительских цен (ИПЦ — I) в России с изменением совокупного спроса (ΔAD) и предложения (ΔAS) за период 1999–2021 гг.

Рисунок 5 подтверждает, что цены на рассмотренном интервале времени понижаются по ИПЦ, но индекс цен зависит от совокупного спроса, изменение которого в сторону увеличения увеличивало и цены, а вот совокупное предложение, увеличиваясь, понижало уровень цен — инфляцию. Выявленное обстоятельство, во-первых, показывает, какая политика проводилась, поскольку именно она создала такое соотношение и динамику, во-вторых, борьба с инфляцией лежит на стороне предложения, что и напрямую обеспечит рост экономике. Таким образом, имеются все предпосылки, стимулируя предложение, обеспечивать понижение цен и рост одновременно, выводя ситуацию из контекста противоречивости макроэкономических целей развития. Добавочно следует отметить, что инновационная экономика — это принципиально система нефишеровского типа, то есть она демонстрирует рост продукта (новаций) при росте цен, поскольку новое всегда редкое и относительно более дорогое.

Что касается дефлятора ВВП для аналогичного периода времени, то в этом случае

и совокупный спрос, и предложение, увеличиваясь, работали на повышение величины дефлятора. Таким образом, общая динамика цен, которую и отражает дефлятор, положительно зависима от изменения (наращения) обоих компонент экономического развития, что вполне укладывается в известную логику классического экономического анализа.

Кроме того, более высокая величина ИПЦ и дефлятора ВВП отвечают более высокому темпу роста российской экономики, а их понижение сопровождается понижением темпа роста [1]. Иными словами, в борьбе с инфляцией подавляется и экономический рост без учёта качества и изменения структуры экономики. При этом доля обрабатывающего сектора относительно транзакционно-сырьевого понижается на исследуемом интервале, в то время как анализ подтверждает демпфирующее влияние обработки на инфляцию и стимулирующее влияние транзакционно-сырьевого сектора. С ростом денежной массы ($M2$) дефлятор понижался, а с увеличением процентной ставки — возрастал, точнее, её повышение осуществлялось на возрастание инфляции, чем и вызвана такая модельная связь указанных параметров.

Интересно отметить, что на рассматриваемом интервале 2003–2022 гг. более высокий процент отвечает большей инфляции, но девальвация рубля отвечает меньшей величине дефлятора, хотя в конкретные периоды времени именно девальвация запускала маховик инфляции через импортированную её компоненту (при высокой зависимости от импорта). Подобные соотношения явно зависят от периода времени, на котором осуществляется анализ, и должны учитывать причинно-следственные связи, какое изменение вызывает ту или иную динамику. Стандартная эконометрика, сразу вводящая неявно такие связи, часто избегает их объяснения на уровне построения модели.

В среднем повышение монетизации экономики сопровождалось понижением инфляции в период 2003–2022 гг. А вот рост цен

⁷ Это обстоятельство не учитывается, кстати, ни в одной экономической теории, а ведь организация потребления и структура совокупного спроса могут существенно влиять на динамику цен.

⁸ Статистики модели: F-критерий = 125,6; D-Врасчет. = 1,68 € [1,54; 2,46]; Тест Уайта: χ^2 расчет. = 4,76; χ^2 крит. = 5,99 (автокорреляция и гетероскедастичность отсутствуют).

на инвестиционные товары способствовал и весьма сильно общему росту цен. Повышение цены на нефть, наоборот, сопровождалось понижением инфляции в России в ходе реализации соответствующей политики (рисунк 6). Оценки на коротких интервалах, скажем, 2022–2023 или 2019–2020 гг., имеют свою специфику и могут не укладываться в общие соотношения для более продолжительных интервалов времени. Это также

не может не сказываться на выработке мер макроэкономической политики, направленной на борьбу с инфляцией и стимулирование экономического роста.

Если уровень монетизации позитивно сказывался на динамике цен, не показывая детерминацию их роста, то темп роста М2 все-таки коррелировал с увеличением дефлятора (общего уровня цен), что подтверждает рисунок 7.

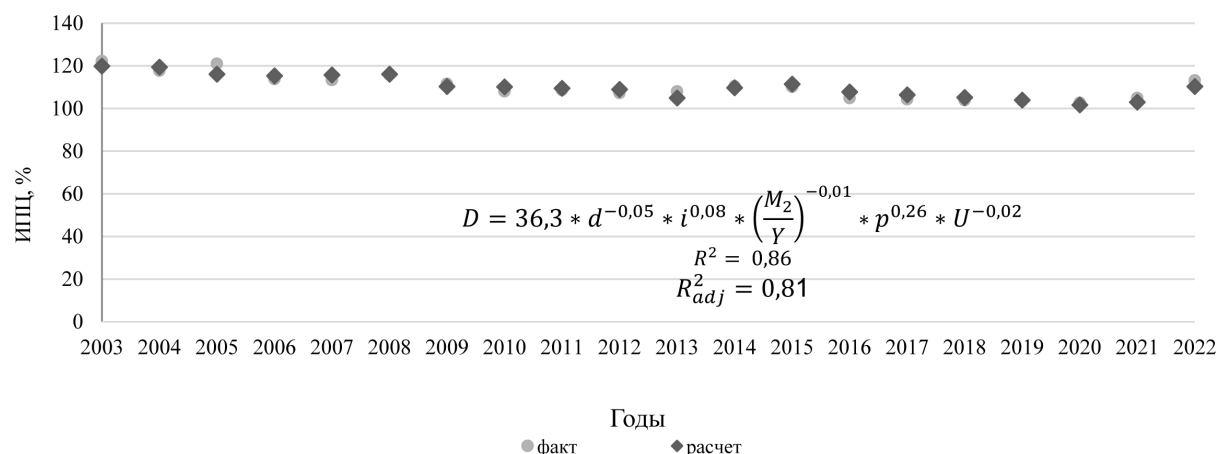

Рис. 6. ИПЦ (I) от среднегодового курса доллара (d), ключевой ставки (i), монетизации (M2/ВВП), индекса цен на продукцию (затраты, услуги) инвестиционного назначения (p) и средней цены нефти марки Urals (U) в России⁹, 2003–2022 гг.¹⁰

Fig. 6. CPI (I) from the average annual dollar exchange rate (d), key rate (i), monetization (M2/GDP), price index for investment products (costs, services) (p) and the average price of Urals oil (U) in Russia, 2003–2022

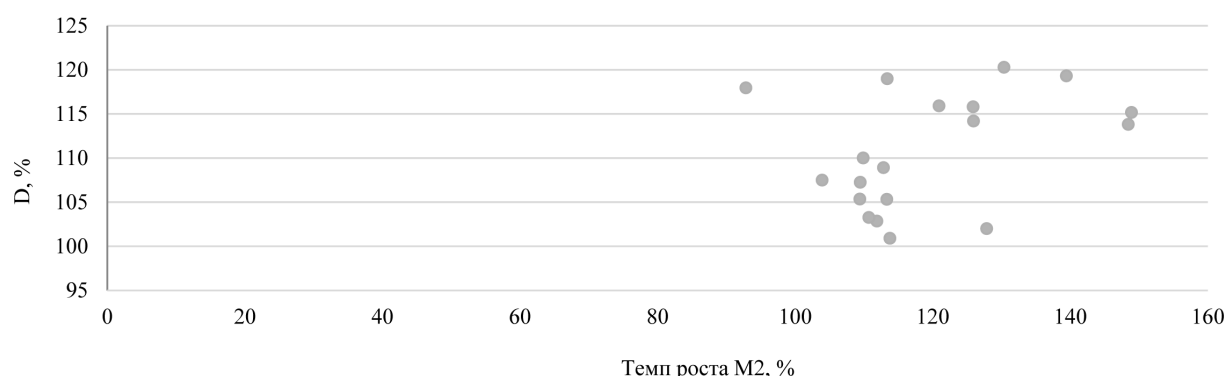

Рис. 7. Дефлятор ВВП от темпа роста М2 в России, 2004–2022 гг.¹¹

Fig. 7. GDP deflator from M2 growth rate in Russia, 2004–2022

⁹ Статистики модели: F-критерий = 14,3; D-Врасчет. = 2,05 € [1,99; 2,01]; Тест Уайта: $\chi^2_{\text{расчет.}} = 7,56$; $\chi^2_{\text{крит.}} = 11,07$.

¹⁰ Источник: рассчитано автором по данным Росстат (URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>, <https://rosstat.gov.ru/statistics/price>), ЕМИСС (URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/37697?ysclid=llbx2rakes273442283>).

¹¹ Источник: построено по данным Росстат (URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>), ЕМИСС (URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/37697?ysclid=llbx2rakes273442283>).

Обратим внимание, что при росте монетизации российской экономики понижался в среднем и темп её роста. Данное обстоятельство как очевидный эмпирический факт должно приводить к выводу, что предложения по монетизации являются пусть и необходимыми, но отнюдь недостаточными для организации роста, поскольку он сдерживается общей антиинфляционной политикой и иными реальными факторами, сила которых перевешивает возможные стимулирующие действия. Кроме того, пренебрежение структурными соотношениями в решениях и мерах макроэкономической политики снижает её же потенциал и результативность. Это возможно учесть на базе авторской доктрины «распределённого управления» [4] учётом накопительного эффекта проводимой политики роста [5]. Однако, потребуются пересмотр многих положений классической макроэкономической политики (монетарной и бюджетной) и построение — планирование новых схем влияния на базе новой теории экономической политики, общие контуры которой развиты в настоящей и серии предшествующих работ автора.

Заключение. Подводя итог, сформулируем наиболее важные выводы.

Во-первых, различные структуры распределения ресурсов могут дать отличающиеся результаты развития, в некотором случае — совпадающий результат (характерная точка распределения), но и разные наборы инструментов (структуры инструментов или мер политики) также способны приводить к сугубо отличающимся результатам с точки зрения достижения сформулированных целей макроэкономического развития.

Во-вторых, эмпирические данные по развитию российской экономики подтверждают, что проводимая макроэкономическая политика, исходящая из необходимости достижения цели роста и снижения инфляции, не смогла учесть связности целей, чувствительности их к влиянию мер политики и действенности влияющих на них инструментов (монетарной и бюджетной политики). Это породило ряд закономерностей, когда понижение инфляции сопровождалось понижением темпа роста, а рост уровня монетизации не ускорял динамики

цен, в то время как темп роста денежной массы в свою очередь положительно влиял на общую ценовую динамику. Следовательно, в монетарной политике прежде всего следовало бы корректировать классическое «монетарное правило», выводя его для нужд конкретной экономики, причём делать этот институт изменчивым в зависимости от преобразования чувствительности целей к мерам проводимой политики. Учёт указанных обстоятельств позволяет дать доктрина «распределённого управления», из которой вытекает и потребность оценки «накопительного эффекта» макроэкономической политики, к которой субъекты экономики начинают привыкать и уставать от малодейственных решений по достижению поставленных целей.

В-третьих, дифференцированный подход в области достижения макроэкономических целей стоит ориентировать на регулирование ценовой динамики в конкретных областях, например, в области роста цен на инвестиционные товары, что наиболее сильно определяло инфляцию, борьба с которой, видимо, сокращала инвестиционные возможности и в том числе порождала так называемый «инвестиционный тоннель» российской экономики, обнаруживаемый на интервале времени более десяти лет. Одновременно стимулирование предложения работает антиинфляционно и на рост экономики, что требует инструментализации отраслевой политики и наращивания усилий по развитию внутреннего рынка в России. Подавление спроса будет сдерживать не только цены, но и рост предложения, следовательно, и ВВП. Эмпирический и регрессионный анализ подтверждают указанные связи, приводя к тому, чтобы применить доктрину «распределённого управления» в части таксономии инструментов политики, оценки чувствительности целей к каждому из них и применяемому набору с обоснованием, насколько это возможно, совокупности решений, работающих на отраслевое развитие при сдержанной или контролируемой динамике цен.

Таким образом, речь следует вести о дифференцированном рассмотрении инструментов по каждому виду макроэкономической политики с решением задачи оценки

распределённого их влияния при разных комбинациях применения и изменяющейся силы влияния (чувствительностью целей к мерам политики) по структуре целей и объектам хозяйственной структуры. Это не тривиальная задача выявления связей между целями, инструментами и элементами экономической структуры, которая может решаться исключительно методами структурного анализа, причём комбинированными, не только методом исследования структуры «затраты-выпуск». Строящиеся модели должны охватывать действующие факторы и условия, включая ограничения, и воздействия применяемых мер политики, которые вводятся асинхронно и влияют с изменяющейся силой, возрастающей либо снижающейся по причине той или иной связности применяемых одновременно разных инструментов.

Список источников

1. Глазьев С.Ю. Сухарев О.С., Афанасьева О.Н. Монетарная политика России: негативный накопительный эффект в рамках неоклассической модели и его преодоление // Микроэкономика. 2022. №2. С. 5–38.
2. Лукас Р. Лекции по экономическому росту. М.: Издательство института Гайдара, 2013. 288 с.
3. Смит В. Переосмысление экономики: классическое понимание // В сборнике «Экономика для любознательных. О чём размышляют Нобелевские лауреаты». М.: Институт Гайдара, 2017. С. 40–53.
4. Сухарев О.С. Распределенное управление как расширение принципа «цели-инструменты» экономической политики // Управленческие науки. 2021. №11(1). С. 6–19.
5. Сухарев О.С. Макроэкономическая политика: накопительный эффект и его преодоление // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16. №1. С. 166–181.
6. Acocella N., Di B.G. Tinbergen and Theil meet Nash: Controllability in policy games // Economics Letters. February, 2006. Vol. 90. Issue 2. Pp. 213–218.
7. Acocella N., Di B.G., Hallett A.H. Controllability in Policy Games: Policy Neutrality and the Theory of Economic Policy Revis-

ited// Computational Economics. 2006. Vol. 28. Pp.91–112.

8. Eggertsson Th. The old theory of economic policy and the new institutionalism // World Development. August, 1997. Vol. 25. Issue 8. Pp.1187–1203.

9. Fenichel E.P., Horan R.D. Tinbergen and tipping points: Could some thresholds be policy-induced? // Journal of Economic Behavior & Organization. December, 2016. Vol. 132. Part B. Pp. 137–152.

10. Figueroa J.G. Políticas y modelos en Tinbergen y Muth Policies and models Tinbergen and Muth // Economía Informa. January-February, 2015. Vol. 390. Pp. 83–96.

11. Hallett A., Acocella N., Di B.G. Policy games, policy neutrality and Tinbergen controllability under rational expectations // Journal of Macroeconomics. March, 2010. Vol. 32. Iss. 1. Pp. 55–67.

12. Peña R. Should monetary policy lean against the wind in a small-open economy? Revisiting the Tinbergen rule // Latin American Journal of Central Banking. March, 2021. Vol. 2. Iss. 1. P. 100026.

13. Schader Ch., Lampkin N., Muller A., Stolze M. The role of multi-target policy instruments in agri-environmental policy mixes // Journal of Environmental Management. December, 2014. Vol. 145. Pp. 180–190.

14. Thore S., Tarverdyan R. Chapter Two-Diagnostics for economic and social policy // Measuring Sustainable Development Goals Performance. Elsevier, 2022. Pp. 23–44.

15. Tinbergen J. Economic Policy: Principles and Design North-Holland. Amsterdam: North-Holland Publishing Company, Chicago: Rand McNally and Company, 1956. 276 p.

References

1. Glaz'ev S. Ju. Suharev O.S., Afanas'eva O.N. Monetarnaja politika Rossii: negativnyj nakopitel'nyj jeffekt v ramkah neoklassicheskoy modeli i ego preodolenie [Monetary policy of Russia: negative cumulative effect within the framework of the neoclassical model and its overcoming]. *Mikroekonomika* [Microeconomics]. 2022; (2): 5–38. (In Russ.).
2. Lukas R. Lekcii po jekonomicheskomu rostu [Lectures on economic growth]. Moscow: Izdatel'stvo instituta Gajdara, 2013. 288 p. (In Russ.).

3. Smit V. Pereosmyslenie jekonomiki: klas-sicheskoe ponimanie [Rethinking economics: a classical understanding]. V sbornike «Jekonomika dlja ljuboznatel'nyh. O chjom razmyshljajut Nobelevskie laureaty» [In the collection «Economics for the curious. What Nobel laureates are thinking about»]. Moscow: Institut Gajdara, 2017. Pp. 40–53. (In Russ.).

4. Suharev O.S. Raspredelelnoe upravlenie kak rasshirenie principa «celi-instrumenty» jekonomicheskoy politiki [Distributed management as an extension of the principle of «goals-tools» of economic policy]. *Upravlencheskie nauki [Managerial Sciences]*. 2021; 11(1): 6–19. (In Russ.).

5. Suharev O.S. Makrojekonomicheskaja politika: nakopitel'nyj jeffekt i ego preodolenie [Macroeconomic policy: cumulative effect and its overcoming]. *Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki [Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic sciences]*. 2023; 16(1): 166–181. (In Russ.).

6. Acocella N., Di B.G. Tinbergen and Theil meet Nash: Controllability in policy games. *Economics Letters*. February, 2006; 90(2): 213–218.

7. Acocella N., Di B.G., Hallett A. H. Controllability in Policy Games: Policy Neutrality and the Theory of Economic Policy Revisited. *Computational Economics*. 2006; (28): 91–112.

8. Eggertsson Th. The old theory of economic policy and the new institutionalism. *World Development*. August, 1997; 25(8): 1187–1203.

9. Fenichel E.P., Horan R.D. Tinbergen and tipping points: Could some thresholds be policy-induced? *Journal of Economic Behavior & Organization*. December, 2016; (132): 137–152.

10. Figueroa J.G. Políticas y modelos en Tinbergen y Muth Policies and models Tinbergen and Muth. *Economía Informa*. January-February, 2015; (390): 83–96.

11. Hallett A., Acocella N., Di B.G. Policy games, policy neutrality and Tinbergen controllability under rational expectations. *Journal of Macroeconomics*. March, 2010; 32(1): 55–67.

12. Peña R. Should monetary policy lean against the wind in a small-open economy? Revisiting the Tinbergen rule. *Latin American Journal of Central Banking*. March, 2021; 2(1): 100026.

13. Schader Ch., Lampkin N., Muller A., Stolze M. The role of multi-target policy instruments in agri-environmental policy mixes. *Journal of Environmental Management*. December, 2014; (145): 180–190.

14. Thore S., Tarverdyan R. Chapter Two-Diagnostics for economic and social policy. Measuring Sustainable Development Goals Performance. Elsevier, 2022. Pp. 23–44.

15. Tinbergen J. Economic Policy: Principles and Design North-Holland. Amsterdam: North-Holland Publishing Company, Chicago: Rand McNally and Company, 1956. 276 p.

Статья поступила в редакцию 10.01.2024; одобрена после рецензирования 28.01.2024; принята к публикации 14.02.2024.

The article was submitted on 10.01.2024; approved after reviewing on 28.01.2024; accepted for publication on 14.02.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сухарев Олег Сергеевич — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт экономики Российской академии наук.

Россия, г. Москва, Нахимовский пр., 32

Oleg S. Sukharev — Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences.

32 Nakhimovskiy ln., Moscow, Russia
